

КТО С НИМ ВСТРЕЧАЛСЯ...

Интервью с семьей Моква
1964, 25 авг.

Тем, кто встречался с Пальмиро Тольятти, слушал его речи, беседовал с ним, трудно, почти невозможно представить, что этого удивительного человека больше нет. Сейчас, когда он смотрит на нас со страниц газет из траурных рамок, я представляю его себе живым, деятельным, общительным, источающим всепокоряющее обаяние, — таким он предстал всегда перед теми, кто имел счастье с ним встретиться.

Попав впервые в Рим вскоре после подлого покушения на Тольятти, я, естественно, сказал друзьям, что хотел бы увидеть его. Мне ответили — он еще не вполне оправился. Его ограждают от утомления, но... Вот в субботу будет в одном из районов столицы собрание. Он будет там выступать. Мне обещали добыть приглашение. И добыли.

Собрание было многолюдным, мест не хватало. Проходы забиты, но друг, с которым я пришел, взялся провести меня к трибуне.

Тольятти! По всему, что я о нем знал, я представлял себе человека огромного роста, с горящими глазами, с громоподобным голосом. И когда раздали аплодисменты, в группе поднявшихся на трибуну людей я искал именно такого. А к микрофону подошел невысокий человек, седой, в больших очках. И говорил он не громко, скорее тихо, но так, что любое слово его долетало в далекий конец этого битком набитого, но как-то совсем притихшего зала. Я не знаю, о чем он гово-

Борис ПОЛЕВОЙ

рил. Мне не переводили. Но я чувствовал, что говорит он о чем-то очень важном всем этим людям, и они жадно ловят каждую его фразу, иногда улыбаются, иногда согласно кивают головами, но никто не произносит ни звука, боясь потерять в этой человеческой массе что-то из сказанного.

Познакомили меня с ним летом, когда советский посол в Италии устраивал прием в честь делегатов Всемирного конгресса профсоюзов. Он появился как-то незаметно, но тотчас же оказался в центре внимания. Люди разных национальностей, различного цвета кожи подходили к нему. Пожимали руку. И отходили. Подошел и я. Меня представили. И он вдруг спросил:

— А как этот летчик Маресьев? Что он сейчас делает?

Я ответил. И тогда уже, улынувшись, он сказал:

— Ничего, ничего, все будет хорошо!.. — и добавил: — Это у него прекрасные слова!..

В те дни в Риме была издана «Повесть о настоящем человеке». Я это знал. Но даже и мечтать не мог, чтобы человек этот, занятый столькими делами, мог так внимательно прочесть книгу.

А потом встреча в Доме литераторов осенью 1961 года. Кто из нас, участников, ее не помнит — речь Тольятти, обращенную к нам — писателям земли советской. О том, какое мощное оружие держим мы в своих ру-

ках, о том, как велика роль и высока ответственность советских писателей в деле построения коммунизма.

Это была блистательная импровизация, и я уверен, что никто из тех, кто был тогда в зале, не забыл ее...

И еще один маленький, но очень, как мне кажется, характерный штрих этой большой, яркой жизни. Когда Тольятти исполнилось 70 лет, я был в Дивногорске, где строители перекрывали Енисей. Именно оттуда, из вагона редакции «Правды», где мы все тогда обитали, я и послал ему телеграмму, добавив к обычным поздравительным словам и то, что сегодня советские люди обуздали величайшую из рек Сибири.

Представляю себе, сколько телеграмм получил этот человек. Но наша не затерялась! И все мы были удивлены, больше того, потрясены, когда через день в Дивногорск прибыл ответ из Рима. Опуская личную часть, не могу не процитировать часть общественной. Вот она: «...нельзя Вам не позавидовать — Вы сейчас свидетели одного из величайших событий века. Прошу Вас передать мой сердечный привет и самые лучшие пожелания всем строителям Красноярской ГЭС. Человечество гордится их подвигом. Тольятти».

Вот какой это был человек! И потому с теми, кто имел счастье хоть на малое время познакомиться с ним, он будет всегда говорить, как живой с живыми.